

Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн?*

Евгений Варшавер

Кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: varshavere@gmail.com

Анна Рочева

Кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Наталья Иванова

Магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Майя Ермакова

Бакалавр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, младший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Адрес: пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: maya.ermakova8@gmail.com

Статья написана на материале исследования мест резидентной концентрации иноэтничных иностранных мигрантов в российских городах. Исследование отталкивается от неопределенности в отношении того, складываются ли такие места в России: существуют работы как поддерживающие эту точку зрения, так и опровергающие ее. На основании подхода, наследующего социальной экологии Чикагской школы социологии, авторы фокусируются на местах наибольшей резидентной концентрации мигрантов в трех российских городах — Котельниках в Московской агломерации, Сортировке в Екатеринбурге и КрасГЭЦ в Красноярске — и исследуют их разнообразными полевыми и кабинетными методами с целью ответить на вопросы о том, что представляют собой такие места, как они сложились и какие процессы там происходят. Сравнивая эти места между собой, авторы предполагают за их возникновением и функциони-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

рванием наличие особого паттерна и, отталкиваясь частью от прочих российских, частью — от зарубежных случаев, формулируют этот паттерн в виде гипотезы для последующей проверки. Согласно ей, российский паттерн резидентной концентрации мигрантов — это застройка вокруг крупных рынков, возникших на городской периферии, в которой в результате разнообразия социальных процессов произошла частичная смена населения, и значительную часть нового населения составили мигранты — работники рынков, но также их родственники и знакомые, работающие в других частях города. Параллельно — на рынках и в прилегающей застройке стала возникать мигрантская инфраструктура, а сам район — восприниматься горожанами как этнический и мигрантский.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, расселение мигрантов, урбанистика, Чикагская школа, социальная экология, Котельники, КрасТЭЦ, Сортировка

Существуют ли в России «этнические районы»? Экспертный дискурс и научные исследования долгое время были склонны отвечать на этот вопрос отрицательно (Деминцева, Пешкова, 2014; Заблудовская, 2014; Медведев, 2018), объясняя отсутствие таких мест советским эгалитарным наследием (Вендина, 2004а, 2004б; Demintseva, 2017), в результате которого пространственное неравенство в российских городах значительно ниже, чем в городах зарубежных стран — США, Франции и других. Этому дискурсу, однако, противостояли, во-первых, алармизм СМИ (Рогоза, 2013; Яндекс Дзен, 2019), обнаруживающий «этнические районы» то там, то здесь или обещающий их складывание в ближайшем будущем, во-вторых, исследования, выполненные на материале разных российских городов (Лысенко, 2008; Дятлов, Григоричев, 2013; Бедрина, Панышина, 2017), согласно которым в каждом из них есть район, расположенный обычно в непосредственной близости от рынка, доля мигрантов среди проживающих в котором выше, чем в других районах. Подлила масла в огонь этого спора публикация статьи О. И. Вендиной и коллег, вышедшая в 2019 году (Вендина, Панин, Тикун, 2019), в которой на московском материале показано, что за последние 10–15 лет вырос уровень неравенства в городе, а в некоторых районах — и доля мигрантского населения. Можно ли говорить о том, что на 2020 год в России действительно сложились «этнические районы»? Действительно ли в российских городах существуют места резидентной концентрации мигрантов¹, и если да, с чем это связано, о какой концентрации идет речь и что там происходит? Можно ли выделить закономерность за складыванием и функционированием таких мест концентрации? Та же это закономерность, что и в других странах, или российские места концентрации являют собой специфический феномен? В 2020 году были опубликованы результаты исследования А. Андреевой, Н. Ивановой и Е. Варшавера (Андреева, Иванова, Варшавер, 2020), посвя-

1. Здесь и далее мы концентрируемся на так называемых международных этнических мигрантах и их детях. В общем, это люди, которые родились не в России, а также в целом воспринимаются населением, родившимся в России, в качестве культурных чужаков. Существуют устоявшиеся определения мигрантов, однако зачастую они используются для управления миграционными процессами, социологические же определения мигрантов обычно носят более размытый и утилитарный характер.

ценного подмосковному городу Котельники. Было показано, что часть застройки в городе действительно является местом резидентной концентрации мигрантов и объяснено, почему так произошло. В данной же статье случай Котельников рядопологается двум другим предположительным российским случаям резидентной концентрации мигрантов, а именно району Сортировка в Екатеринбурге и району КрасТЭЦ в Красноярске, эти случаи сравниваются между собой и на основании этого делается предположение о лежащем за резидентной концентрацией такого рода паттерне. В статье приводится методология исследования, дается краткое описание каждого из случаев, предлагается эмпирическое обобщение, на основании которого делается предположение о паттерне, обсуждаются направления дальнейшей работы для проверки этого предположения, а кроме того — гипотетический паттерн сравнивается с зарубежными случаями, известными авторам.

Обзор литературы

Места резидентной концентрации мигрантов оказались в фокусе социологических исследований почти синхронно с возникновением социологии в ее американском варианте. Роберт Парк, Эрнст Берджесс, Родерик Маккензи, Пол Кресси и прочие чикагские социологи в попытках понять механизмы возникновения китайских, итальянских и прочих районов разработали ряд концептов и теорий, позже ставших классическими в рамках исследования мест резидентной концентрации мигрантов и, шире, их расселения в городе. К таковым относятся: цикл расовых отношений (Park, Burgess, 1921), теория концентрических зон (Burgess, 1925), этническая сукцессия (Cressey, 1938) и др. Согласно общему подходу, сформировавшемуся в этой связи и известному как социальная экология, концентрации мигрантов — это естественное последствие социальной дистанции между «расовыми группами», в том числе мигрантскими. Эти группы, прибывая в американские города, селятся в так называемых зонах перехода, примыкающих к деловым центрам, где жилье — самое дешевое (Burgess, 1925: 51). По прибытии каждая группа начинает свое движение в рамках цикла расовых отношений, а именно вступает в конкуренцию с прочими группами (первая стадия), что приводит к конфликтам (вторая стадия), по результатам которых определяется ее положение среди прочих групп (третья стадия). По прошествии времени, однако, в результате уменьшения социальной дистанции и установки на индивидуальное продвижение в обществе их членов, «расовые группы» ассимилируются (четвертая стадия), то есть исчезает какая-либо разница между этими группами и теми группами, которые прибыли в США до того, а им на смену приходят и на тот же путь ступают новые «расовые группы» (Park, Burgess, 1921; Lal, 2015). Социальная дистанция, согласно этому подходу, связана с физической, и цикл расовых отношений разворачивается одновременно и в городском пространстве (Park, 1926): ассимилирующиеся группы с улучшением социально-экономического положения перемещаются в другие концентрические зоны, а в зонах перехода селятся новые мигранты. Таким образом,

именно в рамках экологического подхода чикагцев было создано первое теоретическое описание складывания и функционирования мест резидентной концентрации мигрантов, более того, именно в его рамках сформировался язык описания расселения мигрантов и в целом их интеграции в принимающем обществе.

В дальнейшем на этой базе выделилось четыре подхода к изучению мест резидентной концентрации. Первый разрабатывался преимущественно географами в рамках направления, известного как анализ социальных зон, или факториальная экология (Shevky, Bell, 1955; Berry, 1971; Spielman, Thill, 2008). Основным инструментом этого подхода — анализ переписи применительно к разного рода пространственным единицам. Он активно использовался на протяжении десятилетий (Duncan, Duncan, 1955; Massey, Denton, 1988; Peach, 1998; Johnston, Poulsen, Forrest, 2007) и, в ответ на критику (James, Taeuber, 1985; Logan, Zhang, Alba, 2002; Parisi, Lichter, Taquino, 2011), детализировался, а также усиливался в части объяснительной мощности. Места резидентной концентрации в таких исследованиях обычно, так или иначе, выявляются, но объяснение, почему эти места расположены именно там, чаще всего оказывается за пределами исследовательского ракурса, и даже в наиболее аналитичных работах этого направления (Massey, 1985; Musterd, 2013; Arbacı, 2007) механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов почти не обсуждаются.

Ключевое слово, по которому можно идентифицировать второй подход, — «анклав». Впервые громко прозвучав в работах Кеннета Вилсона и Алехандро Портеса (Wilson, Portes, 1980), этот термин стал применяться как в отношении резидентной концентрации мигрантов, зачастую связанной с возникновением кластера этнических бизнесов, так и в отношении самого такого кластера (Liu, 2009; Vo-Jutabha et al., 2009; Li, Lyons, Brown, 2012), и, хотя некоторые исследователи критиковали подобную двусмысленность (Dunn, 1998), не в последнюю очередь в связи с тем, что связь между кластеризацией бизнеса и складыванием места компактного проживания мигрантов (Khandelwal, 1995; Min, 2017) действительно существует, в текстах эти понятия разведены редко. Впрочем, и в этих работах за некоторыми исключениями (Andercen, 2017) не дается ответ на вопрос, почему анклавы расположены там, где они расположены.

В рамках третьего подхода к исследованиям резидентной концентрации мигрантов такие места рассматриваются, скорее, как особый контекст существования тех или иных явлений (Dunn, 1993; Olgas, 2001; Yeo, Hee, Heng, 2012; Alexander, 2011). Подобные работы, часто выполненные в методологии изучения случаев, обычно посвящены этим явлениям в первую очередь, однако пространственный их контекст выбирается именно в связи с тем, что доля мигрантов и их детей в населении таких мест особенно высока. Однако и в них вопрос о логике складывания таких мест не поднимается.

Наиболее близко к вопросу о складывании мест резидентной концентрации подходят работы, созданные в рамках четвертого подхода, в которых исследуются такие явления, как отток белых (white flight) (Hawley, 1950; Duncan, Duncan, 1957;

Guest, Zuiches, 1972; Denton, Massey, 1991; Frey, Liaw, 1998), а также избегание белыми (white avoidance) (Andersen, 2015, 2017; Müller, Grund, Koskinen, 2018) — термины, восходящие к чикагской концепции сукцессии (Crowder, 2000; Bråmås, 2006). В них, однако, обычно лишь рамочно описывается, при каких урбанистических процессах происходит смена населения. В целом, таким образом, можно говорить о том, что зарубежная литература, хотя теме расселения мигрантов посвящено в ней много места, вопрос об урбанистической логике возникновения конкретных мест резидентной концентрации обходит стороной за некоторыми исключениями (Chaney, 2010). Российская литература, так или иначе касающаяся расселения мигрантов (Деминцева, Пешкова, 2014; Григоричев, Козлов, Дятлов, 2010; Дятлов, Григоричев, 2012; Пешкова, 2015а, 2015б; Варшавер, Рочева, 2014; Кочкин, Рочева, Варшавер, 2014; Деминцева, Кашницкий, 2015), если оставить за скобками гораздо меньший ее объем, в целом может быть описана сходным образом, с той разницей, что исследователи до последнего времени склонялись к тому, что места резидентной концентрации в России практически не складываются (Вендина, 2004а, 2004б, 2005; Demintseva, 2017), а значит — изучать механизмы их складывания незачем. Лишь в последние годы этот взгляд стал проблематизироваться, в том числе потому что, судя по всему, в российских городах растет неравенство (Вендина, Панин, Тикунов, 2019), и вслед за этим, как можно предположить, складываются и места резидентной концентрации мигрантов. Пионерским исследованием в российском контексте стала работа, посвященная подмосковному городу Котельники как месту резидентной концентрации мигрантов (Андреева, Иванова, Варшавер, 2020). В ней показано, что в некоторых (но не всех) частях этого города доля проживающих мигрантов выше, чем в среднем по Москве и Подмосковию, и предложено объяснение этому. В данной статье — эта работа продолжена и распространена еще на два случая — Сортировки в Екатеринбурге и КрасТЭЦ в Красноярске.

Теоретический подход, дизайн и методология исследования

Наш подход возвращает в исследовательский фокус места резидентной концентрации мигрантов отчасти в связи с тем, что в последние десятилетия научная литература «бросила» отвечать на вопрос об их складывании и хорошей современной теории возникновения таких мест не существует, отчасти в связи с тем, что такие места, как следует из исследований, оказывают на разного рода процессы влияние большее, чем можно было бы ожидать, если бы речь шла о простом линейном приращении доли мигрантов, т. е. наличествуют эффекты концентрации. Фокусировка на таких местах является одним из двух ключевых элементов нашего подхода. Второй ключевой элемент — контекстуализация места резидентной концентрации прочими местами в городе и городом в целом — историей его возникновения и функционирования. Этот элемент также восходит к исследованиям чикагской школы и в первую очередь к Берджессу и его концентрическим зонам. Почему места резидентной концентрации вообще возникли? Почему они возник-

ли именно там? Как это можно объяснить, принимая во внимание то, как устроен город в целом? В современных исследованиях расселения мигрантов вопросы таким образом почти не ставятся, а полезная информация обычно локализуется в коротких фрагментах статей, в которых описывается «контекст исследования» (например: Simon, 1976). В рамках нашего подхода, напротив, эти вопросы, ответ на которые требует обращения к истории города и процессам, протекающим в нем в настоящий момент, — являются ключевыми. Обобщая, можно сказать, что наш подход находится в русле социальной экологии классической чикагской школы и, фокусируясь на местах резидентной концентрации мигрантов, пытается ответить на вопросы о том, почему такие места сложились в тех или иных точках города, а также о том, каковы социальные эффекты такой резидентной концентрации мигрантов. Это, однако, общий подход, и в разных работах мы, опираясь на него, концентрируемся на более частных моментах. В данной статье мы пытаемся ответить на вопросы о том, что из себя представляют три «претендента» на статус места резидентной концентрации мигрантов — Котельники в Московской агломерации, Сортировка в Екатеринбурге и КрасТЭЦ в Красноярске, почему они сложились именно там, а также есть ли в механизмах этого складывания общее, в связи с чем можно было бы предположить наличие российского паттерна складывания мест резидентной концентрации мигрантов. Выделение такого паттерна, однако, потребует более обширной эмпирической работы в российских регионах, а также обобщения ограниченной зарубежной литературы, посвященной местам резидентной концентрации.

Определение мест резидентной концентрации мигрантов — непростая задача как концептуально, так и методологически. В приведенной литературе, фокусирующейся вокруг индексов сегрегации, были разработаны полезные различия, в частности разведены ситуации, когда в пространственной единице проживает более высокая доля мигрантов того или иного происхождения, высчитанная относительно всех мигрантов этого происхождения в городе, или когда в пространственной единице доля мигрантов того или иного происхождения выше, чем доля представителей любой другой группы или всех групп, вместе взятых. В нашем случае мы выделяем в качестве места резидентной концентрации такие административные или вернакулярные единицы, в которых доля мигрантов разного происхождения выше, чем в других сопоставимых единицах в городе, и наша цель состоит в том, чтобы, исследовав, что именно там происходит, о каких процентах и относительно чего идет речь, описать места резидентной концентрации мигрантов в российском контексте. В этой связи и из-за отсутствия единогласно принятого определения мигрантов необходимо обозначить, как и кого мы считаем мигрантами в нашем исследовании. В нем в качестве мигрантов рассматриваются иностранцы или бывшие иностранцы, вне зависимости от гражданства, а также их дети — вне зависимости от гражданства и места рождения. Таким образом, в качестве мигрантов квалифицируются и так называемые мигранты второго поколения. Интересуют нас, кроме того, не все иностранцы, а этнические

мигранты — то есть те, кто воспринимается немигрантами в качестве культурно отличных. В свою очередь, внутренние неэтнические мигранты рассматриваются в исследовании в качестве немигрантов, местных или принимающего общества. Эти определения, однако, носят рамочный характер, что позволяет внимательно относиться к противопоставлениям, которые осуществляются в повседневности в каждом из выбранных случаев, а также — интерпретировать биографии конкретных людей, в которых зачастую факторы этничности и миграции играют роль.

Для полевой работы была разработана, а позже в ее ходе уточнена следующая методология сбора данных по каждому из случаев. Прежде всего в каждом из городов была проведена серия экспертных интервью с урбанистами и исследователями миграции, по результатам которой был сформирован список мест, о которых эксперты говорили как о местах резидентной концентрации мигрантов. Следующим шагом был анализ статистических данных (переписи и доступной школьной статистики), а также скрининговые посещения этих мест. Это занимало в среднем 3 часа работы команды из 2–3 человек и осуществлялось посредством экспресс-интервью², экспертных интервью со специалистами по конкретным локациям (к ним относились администрация школ, консьержки, полицейские и проч.) и наблюдения. Было проведено сопоставление результатов изучения мест из списка и по его результатам в рамках каждого из случаев выделялась одна конкретная точка, где резидентная концентрация мигрантов была выше (обычно существенно), чем в других местах. Выявление мест резидентной концентрации, таким образом, носило прежде всего индуктивный характер и в целом предполагало два условия: во-первых, наличие резидентной застройки (в связи с чем строительные городки, которые являются местом резидентной концентрации мигрантов, но иного типа, во внимание не принимались), во-вторых, более высокую долю мигрантов в сравнении с другими местами в городе. Иными словами, предварительных количественных критериев для выделения таких мест не было задано. В результате скрининговых посещений в Москве и Московской области был выбран город Котельники, в Екатеринбурге — район Сортировка, в Красноярске — район КрасТЭЦ. Мы не можем утверждать, что не существует прочих мест концентрации, возможно, более крупных, чем выделенные, однако следование принципам теоретической выборки позволяет говорить о высокой вероятности того, что действительно именно эти места являются наиболее крупными местами концентрации в каждом из случаев. Кроме того, уже на этом этапе стало понятно, что расселение мигрантов в выбранных (довольно больших) пространственных единицах не равномерно — в каких-то их частях или домах концентрация выше, чем в других.

2. Экспресс-интервью — короткие полуструктурированные интервью, обычно берутся на улице или на объектах инфраструктуры и длятся от 3 до 15 минут. Они отличаются от глубинных интервью меньшей длительностью и подробностью, их основной плюс состоит в том, что о них не нужно договариваться, и в рамках одного проекта их можно взять значительно больше, чем глубинных. Анализ таких интервью осуществляется на основании того же набора методов, что и анализ глубинных интервью.

Далее выделенные места стали объектом экспедиционной полевой работы, которая сопровождалась экспертными интервью со специалистами по городам в целом и анализом литературы. Поскольку российская перепись по многим причинам является плохим источником данных для анализа расселения мигрантов (единицы анализа слишком крупные, а доля мигрантов по ним всегда меньше, чем в реальности), была проведена серия экспресс-интервью с целью примерно определить долю мигрантских единиц жилья в доме (если речь шла о многоэтажном жилье) или на улице (если речь шла о частном секторе). Этот метод не является точным, однако выявить приблизительные соотношения разных категорий в подъезде, доме или нескольких домах — он позволяет. Для того чтобы определить эти соотношения, информантам (экспертам, которыми в данном случае могли быть почтальоны и консьержи, а также жильцам) предлагалось вспомнить, сколько мигрантских квартир на каждом или некоторых этажах, ответить на вопрос о том, насколько эта ситуация типична, и т. д. После нескольких таких интервью можно было в целом сделать выводы относительно того или иного подъезда или дома и выразить их в процентах, отдавая себе отчет в приблизительности таких вычислений. Более подробным вариантом использования этой методологии стал поквартирный обход в одном из подъездов дома в Котельниках, считающегося наиболее мигрантским. В Красноярске и Екатеринбурге, кроме того, такие интервью проводились применительно к домам, находящимся на разной дистанции от рынка, а также построенным в разное время. В процессе и по результатам этой работы выделялись места наибольшей концентрации мигрантов, которые затем исследовались методами экспресс- и глубинных интервью, а также наблюдениями на предмет разнообразных феноменов, к которым относились сукцессия и отток белых, складывание кластеров мигрантской инфраструктуры, пространственная мобильность жителей и проч. В Котельниках было проведено 165 экспресс-, 36 экспертных и 14 глубинных интервью, а также осуществлено 155 часов наблюдения³, в Екатеринбурге — 163 экспресс-, 10 экспертных и 13 глубинных интервью⁴, а также осуществлено 88 часов наблюдения, в Красноярске — 90 экспресс-, 7 экспертных и 15 глубинных интервью, а также 48 часов наблюдения. Всего было проведено 418 экспресс-, 53 экспертных и 42 глубинных интервью, а также осуществлен 291 час наблюдения в жилой застройке и на объектах инфраструктуры. Интервью, за исключением экспертных, обычно не записывались на аудио — это было связано с тем, что такая запись мешала бы быстрому установлению доверительных отношений с информантами, что необходимо для экспресс-интервью, однако все интервью конспектировались и вносились в кейсбук — эксель-таблицу, в которой строки — это информанты, а столбцы — темы. Данные были проанализированы посредством осевого кодирования, по результатам исследования каждого случая сделано описание. Ниже приводится краткий вариант этих описаний.

3. Мы благодарим А. Андрееву, а также Я. Богуславскую, Е. Власову, М. Кандински, Н. Кононца, И. Терехову, И. Токмань и Ю. Чеботарева за участие в сборе данных в Котельниках.

4. Мы благодарим К. Шепетину за участие в сборе данных на Сортировке.

Описания случаев

Котельники в Московской агломерации

Котельники — подмосковный город, непосредственно примыкающий к МКАД, он возник в 1996 году на территории, относящейся к нескольким индустриальным и сельскохозяйственным предприятиям — силикатному заводу, совхозу «Белая дача» и ковровому комбинату. Эти предприятия строили жилье (в основном — многоквартирные дома средней этажности) для своих сотрудников, которые привлекались преимущественно из других регионов РСФСР. Случаи миграции из союзных республик в будущие Котельники в советское время были единичны. Период экономического роста 2000-х знаменуется началом массового жилищного строительства на территории Котельников, при этом застраивались преимущественно территории, ранее бывшие совхозными полями (из-за чего в городе явно выделяются районы старой и новой застройки). Этот период совпал с «оседанием» первой, в основном закавказской, волны миграции в Россию, и таким образом в городе появился контингент армянских мигрантов, покупавших в новых домах на тот момент относительно недорогую недвижимость. В это же время в городе стал появляться малый бизнес, принадлежавший армянским мигрантам.

Жизнь города существенно изменилась в 2009 году, когда на территорию до того небольшого уличного рынка «Садовод» была перенесена оптовая торговля с Черкизовского рынка. Это совпало с приростом жилого фонда новыми многоквартирными домами, которые начали заселять в том числе мигранты с «Садовода» — бизнесмены и наемные работники. Параллельно, однако, шло заселение, сообразующееся с общеагломерационной логикой, — в Котельниках покупали или снимали жилье «штурмующие Москву» жители регионов, а также московские молодые семьи. Эти категории жителей могли купить квартиру «на стадии котлована», и постепенно возрастающая доля этнических соседей для некоторых из них стала неожиданностью. Этнический профиль жителей, связанных с «Садоводом», — разнообразен, и в первую очередь речь идет о мигрантах из Средней Азии и Закавказья, но присутствуют и мигранты из Вьетнама, Турции и Китая. В частности, именно китайская мигрантка владеет восемью квартирами в доме на 2-м Покровском проезде, которые она сдает также преимущественно мигрантам. Если взять дома, сданные в эксплуатацию в 2010-х, по приблизительным оценкам, доля квартир, в которых живут этнические мигранты, может достигать до половины. С учетом того, что часть квартир — это в большей степени общежития, доля этнических мигрантов в фактическом населении этих домов может быть еще выше. В гораздо меньшей степени такое положение вещей касается старого жилищного фонда, здесь живут бывшие сотрудники предприятий и их потомки — на один подъезд в таких домах может приходиться не более одной или двух «мигрантских» квартир.

Сложно сказать, в какой степени в Котельниках — в старых и новых районах — происходит «отток белых», однако, во-первых, были зафиксированы случаи «избегания белыми», когда семьи не селились в Котельниках, принимая решение в том числе в связи с тем, что в городе живет много мигрантов, во-вторых, непросто отделить недовольство соседством от недовольства инфраструктурой, в том числе и потому что транспортный и инфраструктурный коллапс связывается жителями с притоком мигрантов, в том числе этнических, в-третьих, «оттоком белых» характеризуется ситуация в школах — старожилы и неэтнические мигранты массово отдают своих детей учиться в школы в соседние города, где мигрантов меньше, а образование — в связи с этим — лучше. В новых частях города складывается мигрантская инфраструктура, наиболее заметной частью которой являются халяльные кафе. Старожилы и неэтнические мигранты ожидаемо считают, что доля этнических мигрантов за последние годы в населении выросла, и в частности шутят, что Белую Дачу — район, где много новостроек — нужно называть Черной Дачей. Известно также, что некоторые мамы ходят гулять с детьми на площадки, расположенные рядом с менее мигрантскими домами, которых больше в старой части города, поскольку считают, что дети мигрантов плохо воспитанные и конфликтные. Открытых «групповых» конфликтов в Котельниках, впрочем, не происходит.

Сортировка в Екатеринбурге

Сортировка — часть одного из административных районов Екатеринбурга — Железнодорожного — расположена на северо-западе от центра города и отделена от него рекой Исетью и Верх-Исетским прудом. Екатеринбург с самого своего основания в 1723 году в качестве поселка вокруг железоделательного завода развивался в тесной связи с промышленными предприятиями и вокруг них. К началу Второй мировой войны он состоял из множества населенных пунктов, слабо связанных друг с другом. Постепенный рост города во второй половине XX века — это заполнение лакун в пространстве между ними и «сращивание» их в единую городскую ткань. В отличие от поселков Уралмаша или Химмаша, Сортировка появилась в 1930-е рядом железнодорожной станцией — Сортировочной. Эту часть теперь называют Старой Сортировкой. Микрорайон, которым Старая Сортировка «росла» в сторону центра Екатеринбурга — особенно активно с 1970-х годов, — получил название Новая Сортировка. Соответственно, на Старой Сортировке более старый жилой фонд, в нем преобладают здания от 2 до 5 этажей, и, по крайней мере, до конца советского периода он заселялся преимущественно железнодорожниками, а Новая Сортировка — это в основном позднесоветская, более высотная, застройка, жилье в которой распределялось среди сотрудников разных ведомств и предприятий. Впрочем, и в той, и в другой части района преобладают многоквартирные дома, а общежитий практически нет. Кроме того, в обеих частях района сейчас появляются новостройки.

В 1995 году на Сортировке возник рынок «Таганский ряд». Сначала там торговля шла под открытым небом, затем появились павильоны, сейчас же рыночный комплекс на Сортировке включает в себя три торговых центра, сельхозрынок, а также складские помещения, гостиницу, офисы, предприятия общепита и прочую околорыночную инфраструктуру. Появление, а затем и рост рынка можно связать с его географической близостью к центру и одновременно периферийностью относительно соседних городских районов. Численность людей, занятых в этом рыночном комплексе, оценить сложно, но, согласно сайту рынка «Таганский ряд» (Таганский ряд, 2019), число торговых мест превышает 4 тысячи. С этим рынком связывается появление в районе мигрантов: в первую очередь таджиков, киргизов, китайцев и вьетнамцев. В целом близость к рынку — это значимый для расселения мигрантов фактор: наибольшая концентрация мигрантов — в домах, примыкающих к рынку. Однако на выходе за радиус в 500 метров «эффект рынка» теряется. Помимо расстояния от рынка важны такие факторы, как год постройки. При прочих равных в новостройках концентрация мигрантов выше, чем в более старых домах. Так, в двух домах, построенных в 2010-е и примыкающих к рынку, приблизительно высчитанная доля мигрантов — не ниже 70%, притом что в соседствующей с одним из них пятиэтажке 1965 года постройки мигранты занимают треть квартир. Самая же высокая зафиксированная доля составляет порядка 90%: это два дома, выкупленных рынком для своих сотрудников и прошедших реновацию. В сравнении с другими частями города, сопоставимыми по дистанции от центра, жилье на покупку на Сортировке дешевле, но в том, что касается арендной ставки, особенно для мигрантов и особенно в домах, ближайших к рынку, это не так. Такое расхождение может возникать, среди прочего, из-за того, что местные жители довольно индифферентно относятся к тому, кто купит их квартиру, но могут отказываться сдавать квартиру мигрантам, и риелторы, чтобы убедить таких владельцев квартир сдать жилье мигрантам, прибегают к «экономическому аргументу»: предлагают сдать квартиру мигрантам дороже.

Живущие на Сортировке мигранты частью работают на рынке, частью — в других местах. Это могут быть как наемные работники, так и собственники бизнеса разного размера. Тенденция последних лет — открытие мигрантами супермаркетов в разных частях города. Из 13 школ, расположенных на Сортировке, по крайней мере про четыре известно, что в классе может быть более половины детей мигрантов⁵. Оценка местными родителями таких школ, как обеспечивающих низкий уровень образования, ведет к тому, что они пытаются отдавать детей в школы в других районах, куда впоследствии могут переехать. Само по себе присутствие мигрантов среди соседей не является основным фактором для смены района, но остается фактором латентным, который может актуализироваться в случае, если семья решает купить квартиру побольше или по другим причинам сменить жилье. Одновременно с этим бизнес на «Таганском ряду» позволяет некоторым мигран-

5. В этих школах они обозначаются как дети-инофоны.

там, прежде всего предпринимателям, покупать квартиры. В свете этого можно говорить о том, что происходит смена населения. Отток немигрантов, однако, тормозится более низкой стоимостью недвижимости на Сортировке, а изменение этнического состава населения в целом компенсируется, кроме того, масштабным притоком внутренних мигрантов и активным строительством в районе жилых домов разной степени престижности — особенно на западной оконечности района, на месте частного сектора, расположенного вдалеке от рынка.

КрасТЭЦ в Красноярске

КрасТЭЦ — это вернакулярный район, расположенный на восточной окраине Красноярска, на правом берегу Енисея. Красноярск, основанный в 1628 году, до второй четверти XX века развивался исключительно на левом берегу, на правом берегу было несколько деревень, в 1930-е годы там начинается строительство промышленных объектов и жилого фонда для их работников. Необходимость обеспечения строящихся производств электроэнергией продиктовала появление ТЭЦ и связанного с ней поселка Энергетиков (нынешняя ул. Энергетиков). Во время Второй мировой войны Правый берег прирос эвакуированными заводами, которые размещались на нем достаточно хаотично и таким же образом селили людей, которые нередко сами строили себе дома. В частности, рядом с ТЭЦ, на ул. 26 Бакинских Комиссаров, именно так появились двухэтажки — их построили работники гидролизного завода и целлюлозно-бумажного комбината. Такое строительство могло происходить как на пустыре, так и на месте деревянных бараков — первом жилье заводчан Правого берега. В результате жилье, построенное в районе КрасТЭЦ в советское время, довольно разнообразно в части этажности, времени постройки и внутренней планировки — наряду с квартирными домами строились общежития и так называемые гостинки (дома, где основными жилыми единицами являются комнаты с удобствами и небольшой кухней). После распада Советского Союза жилищного строительства в районе за редким исключением не велось.

В начале 1990-х на пустыре недалеко от ТЭЦ начинает вестись оптово-розничная торговля. Появление стихийного рынка именно там объясняется близостью станции, а также окраинным его расположением, в результате чего именно туда на закупки могли приезжать хозяева магазинов из населенных пунктов, расположенных на восток от Красноярска. Подобные рынки располагались в разных частях города, однако они со временем закрывались, территория же КрасТЭЦ прирастала новыми рынками и прочей инфраструктурой. Одним из факторов, способствовавших такому положению вещей, являлось то, что эта территория считается наименее престижной в Красноярске и не является приоритетным объектом девелопмента. Это, в свою очередь, связано с расположением района: КрасТЭЦ — окраина Правого берега, куда сносит дым заводов значительной части красноярской промышленности. Расцвет рынков на КрасТЭЦ пришелся на 2000-е, в последние же годы рынки проигрывают конкуренцию альтернативным формам торговли. На

данный момент на этой территории функционируют три больших рынка (в т.ч. оптовый), а вокруг них расположены небольшая овощебаза, различные мастерские и прочая инфраструктура. Мигранты стали прибывать в этот район с появлением рынка. В основном это были жители Кыргызстана, а затем Таджикистана, и в настоящий момент именно эти две мигрантские группы формируют большинство мигрантов, живущих в районе. Параллельно уменьшалась доля немигрантов — кто-то умирал, кто-то уезжал в лучшие районы Красноярска. В результате в период наибольшего расцвета рынка немигрантское население частично сменилось мигрантским. В районе, кроме того, селились мигранты, работающие в прочих частях города. Приехав в Красноярск, они останавливались у родственников и знакомых, которые, весьма вероятно, жили на КрасТЭЦ, затем же — оставались в районе. На данный момент доля мигрантов в разных резидентных зданиях на КрасТЭЦ варьируется, и, по всей видимости, главным детерминантом этой доли является внутренняя планировка здания — в квартирных домах мигрантов меньше, чем в общежитиях и гостинках. Кроме того, доля мигрантов в домах уменьшается по мере отдаления от КрасТЭЦ и приближения к центральным районам Правого берега. В целом же в радиусе трех километров от рынков доля мигрантов в однотипных домах примерно одинакова; в общежитиях мигрантские квартиры или комнаты могут составлять до 50%, а в отдельных случаях и больше — в квартирных зданиях мигрантских квартир обычно от одной до четырех на подъезд, что, в зависимости от типа дома, составляет не более 30% от всех квартир. Бывает, однако, что мигрантских квартир в доме нет совсем.

Мигранты как арендуют недвижимость, так и владеют ей, зачастую первое предшествует второму. Такая резидентная мобильность часто происходит внутри района, однако иногда мигрантские семьи переезжают в лучшие районы Красноярска. В настоящий момент некоторая часть квартир и комнат в районе пустует, поскольку расцвет КрасТЭЦ как места торговли — прошел, значительную часть клиентов оттянули сетевые магазины, в результате чего и работников рынков, преимущественно мигрантов, в районе стало меньше. В радиусе трех километров от рынка находится 8 школ, непосредственно же примыкают к рыночному кластеру две, в одной из которых дети-мигранты составляют чуть меньше трети, в другой эта доля почти доходит до 60%. Известно, что некоторые родители-немигранты отдавали и отдают своих детей в школы в других районах, но сложно сказать, насколько это связано с высокой долей мигрантов в этих школах. Район воспринимается его жителями и маркируется жителями других районов как место, где живет много мигрантов. Сложно сказать, происходил ли в районе «отток белых» — скорее после распада Советского Союза в другие районы переезжали преуспевшие заводчане и их потомки, однако есть ряд свидетельств того, что некоторые жители уезжали из района, объясняя это тем, что их не устраивало соседство с мигрантами. В целом, впрочем, антимигрантские высказывания в интервью с немигрантским населением встречались довольно часто. Можно предположить, кроме того, что в период расцвета спрос на недвижимость был больше, но сей-

час — он уступает предложению. Можно также предположить, что 10–15 лет назад в районе было больше этнических бизнесов, обеспечивающих потребность мигрантского населения в «национальной» еде и прочих товарах. Впрочем, и сейчас такой инфраструктуры достаточно — это кафе на территории рынков или в непосредственной близости от них, халяльные магазины, парикмахерские, авиакассы, денежные переводы, а также как минимум один клуб единоборств — для взрослых и детей, в том числе девочек.

Результаты компаративного анализа

Приведенные случаи в некоторых аспектах похожи друг на друга, в некоторых — различаются. Прежде всего во всех трех случаях основным фактором складывания места резидентной концентрации мигрантов стало наличие крупного кластера мигрантских рабочих мест — это рынок «Садовод» для Московской агломерации, «Таганский ряд» для Екатеринбурга и рыночный кластер КрасТЭЦ для Красноярска. Рынки эти расположены в целом сходным образом — это городская периферия. На городских окраинах находятся «Садовод» и КрасТЭЦ. «Таганский ряд» ближе к центру города, однако, разместившись в пространстве между районами, согласно некоторым классификациям, тоже располагается на городской периферии⁶. КрасТЭЦ и «Таганский ряд» похожи в том, как они возникли и развивались. Появившись в качестве небольших, стихийных монопрофильных рынков — со временем они приросли территорией, на смену торговле «с багажника» пришли торговые павильоны, а товары, которыми торговали на рынках, — стали разнообразнее. В этом отношении отличается случай «Садовода», поскольку туда оптово-розничная торговля была перенесена около 10 лет назад решением мэрии Москвы. Впрочем, перенесена она была не на пустое место — на этой территории рынок, пусть и меньших размеров, существовал и до того. Кроме того, история Черкизовского рынка, откуда торговля была перенесена на «Садовод», в целом не отличается от истории «Таганского ряда» и КрасТЭЦ — стихийная торговля на большом пустыре рядом с НИИ электроники «Дельта» со временем была структурирована и перемещена в торговые павильоны. Во всех трех случаях значительная часть работников рынков — мигранты. Страны их происхождения, однако, различаются — если на «Садовоме» широко представлены мигранты из разных стран, на «Таганском ряду» больше, чем в остальных местах, именно китайских мигрантов, а на КрасТЭЦ — кыргызских.

Различается в целом и жилой фонд, который окружает рынки. «Садовод» расположен таким образом, что, несмотря на то что административно он находится в московском районе Капотня и резидентная застройка этого района к рынку географически самая близкая, она отсечена от него железной дорогой, если же брать транспортную доступность — ближе всего к «Садоводу» город Котельники,

6. Различные концептуализации периферии приведены, например, в: Foot, 2000.

а точнее — район Белая Дача, где в новой его части преобладает застройка 2000-х и более поздних годов, в остальных же Котельниках в целом больше застройки эпохи советского массового жилищного строительства. «Таганский ряд», будучи с двух сторон ограничен железной и автомобильной дорогами, с двух других — примыкает к жилой застройке Новой Сортировки, в которой преобладают дома 1960-х–1980-х, однако встречаются и новостройки, в частности архитектурной доминантой района стал дом по адресу ул. Техническая, д. 23, построенный в 2016 году. Рынки, относящиеся к КрасТЭЦ, окружены в основном советской послевоенной застройкой, при этом выделяются ансамбли двухэтажных домов, построенных в 1950-х, а также дома хрущевской и брежневской эпох — от 5 этажей и выше. Большинство домов советского времени во всех трех местах были ведомственными: в Котельниках дома строили Ковровый комбинат, Силикатный завод и прочие предприятия, на Сортировке — железные дороги и другие предприятия, на КрасТЭЦ — производства Правого берега, а также сама ТЭЦ. Все три локации считаются непрестижными — отчасти это связано с периферийностью, отчасти — с инфраструктурой и имиджем мигрантского места города. Это, однако, по-разному отражается на стоимости недвижимости. Если стоимость квадратного метра на КрасТЭЦ действительно одна из самых дешевых в Красноярске, на Сортировке фиксируется существенное расхождение между ценой покупки и аренды недвижимости, что, по всей видимости, связано с большим, прежде всего мигрантским, спросом, а в Котельниках стоимость недвижимости как на покупку, так и на съем не отличается от стоимости аналогичной недвижимости в городах ближайшего Подмосковья, и даже является более высокой.

В домах советского времени во всех трех локациях основная группа жителей, это люди, связанные — в прошлом или настоящем — с производствами, их построившими, и в меньшем количестве там проживают мигранты. В новых же домах, если таковые присутствуют, живут две основные категории — мигранты, связанные или не связанные с рынком, и молодые семьи, переехавшие в непрестижный район в поисках жилья. Такое положение вещей характерно в первую очередь для Котельников и Сортировки — на КрасТЭЦ в силу отсутствия новых домов молодых семей немного, а мигранты — живут в старых. Для всех трех мест, кроме того, характерно присутствие третьей категории — неэтнических мигрантов, однако если в Котельниках речь идет в основном о приезжих из регионов, на КрасТЭЦ селятся мигранты из небольших населенных пунктов Красноярского края. Доля мигрантов, таким образом, выше там, где есть новые дома, а также — другой фактор — там, где есть общежития, в которых при прочих равных мигрантов больше. На Сортировке между тем почти нет общежитий, поэтому мигранты там живут преимущественно в квартирах, и больше всего их — в новых домах, а на КрасТЭЦ — нет нового жилья, и мигранты там чаще живут в общежитиях советского времени постройки. Физическая дистанция от рынка в целом, вопреки ожиданиям, в качестве фактора, объясняющего присутствие мигрантов, во всех трех случаях проигрывает как году постройки дома, так и внутренней его пла-

нировке, однако если на Сортировке есть значимый перепад в доле мигрантов на дистанции между 500 метрами и 1 километром от рынка, на КрасТЭЦ этот перепад значительно меньше. Котельники же отделены от «Садового» МКАД, в результате чего работники рынков перемещаются до рабочего места и обратно на маршрутке, практически не структурированы расстоянием от рынка.

Рассмотрим дома с наиболее высокой концентрацией мигрантов. В Котельниках это один из новых домов на Белой Даче, и доля мигрантских квартир там не превышает 60%, на Сортировке — это два дома, выкупленные рынком, где доля мигрантов около 90%, а также дом, к рынку примыкающий, где жилье продается и сдается на рыночных основаниях, где эта доля более 70%, а на КрасТЭЦ это гостинка, также находящаяся в непосредственной близости от рынка, где доля мигрантских комнат — более 50%. В свою очередь, в каждом из районов есть дома и подъезды, в которых или нет мигрантских квартир вообще, или есть одна или две (если дом многоэтажный). Для Котельников таким домом является, например, позднесоветская десятиэтажка в районе Ковровый, для Сортировки — новостройка на улице Пехотников, а для КрасТЭЦ — квартирные двухэтажки на ул. 26 Бакинских Комиссаров, находящиеся через дорогу от рынка. Остальные дома в условном двухкилометровом радиусе, с точки зрения доли мигрантских квартир или комнат находятся между этими значениями. В целом, однако, на Сортировке рынок недвижимости значительно динамичнее красноярского и сопоставим в этом отношении с Котельниками.

В какой степени в каждом из случаев можно говорить об «оттоке белых»? Все три характеризуются заменой населения, произошедшей в последние 30 лет, однако нет оснований полагать, что это произошло в первую очередь из-за притока мигрантов. Напряжение в связи с мигрантами у немигрантского населения присутствует, и в каждом городе были зафиксированы ксенофобские нарративы, однако случаев, о которых было бы известно, что основным фактором в принятии решения было бы соседство с мигрантами, — были зафиксированы единицы. Это может объясняться «эффектом выжившего» и быть артефактом методологии, однако представляется, если бы «отток белых» действительно был бы тенденцией — и в дискурсе он присутствовал бы с большей интенсивностью. Зато в каждом из случаев зафиксирована тенденция немигрантского населения отдавать своих детей учиться в школы в других районах, которая объясняется желанием родителей оградить детей от ситуации, в которой большинство в их классе были бы мигрантами. Такое нежелание может выражаться в более или менее эссенциалистских терминах.

Каждый из случаев, кроме того, характеризуется складыванием, во-первых, инфраструктуры, которая направлена на мигрантское население — кафе и магазины, билетные кассы и денежные переводы, парикмахерские и клубы единоборств, во-вторых, мигрантского имиджа места, который существует как в качестве самоописания, так и циркулирует в городе. В какой степени эти локации являются транзитными для тех мигрантов и их семей, которые живут в России долгое

время? Как в случае Сортировки, так и в случае КрасТЭЦ есть некоторая часть населения, которая, преуспев, переезжает в лучшие районы. Для Котельников такое положение вещей, как представляется, не характерно, отчасти в связи с тем, что новая застройка и удачное расположение города делают его в целом неплохим местом проживания на агломерационном фоне, отчасти из-за того, что торговля была перенесена на «Садовод» всего 10 лет назад, а это — недостаточное время для складывания таких тенденций.

На основании результатов сравнения можно сформулировать обобщение, описывающее складывание и функционирование мест резидентной концентрации. В 1990-х на городской периферии стали возникать рынки, на которых на разных позициях работали мигранты. В последующие десятилетия из нескольких городских рынков выделялся один, в который перемещалась существенная часть оптовой торговли, а вокруг него складывался кластер мелких предприятий и бизнесов. Этот рынок зачастую прилегал к резидентной застройке, которая — в силу периферийности расположения рынка — обычно имела индустриальное происхождение. В 1990-х и 2000-х часть старого населения этих домов умерла, часть — переехала в другие районы. На их место заселились мигранты, которые работали на рынке, а также их родственники и знакомые, с рынком не связанные. Со временем на рынке и в прилегающей к нему застройке сложилась разнообразная инфраструктура, ориентированная на мигрантов, район стал считаться мигрантским на общегородском уровне. В результате, хотя нельзя говорить о том, что местные жители района стали уезжать из-за мигрантов, в некоторых случаях те немигранты, кто мог бы заселиться туда, этого не делали. Это, однако, не «роняло» спрос, который обеспечивался притоком мигрантов, более того, если район был удачно расположен, там появлялись новостройки, доля жителей мигрантского происхождения в которых оказывалась выше, чем в более старых домах района. При этом мигранты чаще селились в общежитиях, чем в квартирных домах, в которых все жители были бы мигрантами, — более того, дома, в которых доля мигрантов составляла бы более 50% — большая редкость. Резидентную «конкуренцию» мигрантам оказывают или жители района, или внутренние неэтнические мигранты. В силу различий в демографическом профиле мигрантского и немигрантского населения — мигранты в целом моложе и у них больше детей — дети-мигранты стали массово поступать в школы. Большое количество детей, для которых русский не является родным, стало вызовом для районных школ, а следствием этого — тенденция, в рамках которой родители-немигранты стали отдавать своих детей в другие школы, а в некоторых случаях вслед за этим переезжать. Мигранты в этих районах присутствуют как временные, так и постоянные, последние, в свою очередь, могут продолжать жить в районе, а могут — преуспев — переехать в другие, лучшие, районы города.

Российский паттерн?

Можно ли предположить, что в этой генерализации присутствует описание российского паттерна складывания и функционирования мест резидентной концентрации мигрантов? Для того чтобы быть классифицированным в качестве такового, эту генерализацию следует, во-первых, проверить на прочих российских случаях, во-вторых, противопоставить зарубежным случаям и генерализациям, сделанным на их материале, в-третьих, объяснить разницу между российскими и зарубежными генерализациями посредством социальных и пространственных структур более высокого уровня. Такая — масштабная — работа еще не была проведена, однако на основании литературы и полевых исследований в России и за рубежом, можно сделать несколько предположений на эту тему.

В нашу статью были включены случаи Котельников, Сортировки и КрасТЭЦ как исследованные наиболее подробно и — на основании единой методологии, однако нам известны и другие резидентные концентрации в российских городах: Заостровка в Перми, Большие Иссады в Астрахани, Металлургический в Челябинске, Центральный рынок в Иркутске и проч. В целом каждый из них имеет свою специфику. Например, в Заостровке непосредственно прилегающая к рынку застройка — частный сектор, этномиграционное население Больших Исадов — это прежде всего дагестанцы, то есть внутренние, а не внешние мигранты, а иркутский Центральный рынок, как следует из названия, — расположен в центре города. Вместе с тем во всех случаях речь идет о застройке вокруг рынков, везде в той или иной степени происходит замена населения, а район приобретает имидж мигрантского, более того, везде эти районы оказываются наиболее мигрантскими, притом что в целом мигранты в той или иной пропорции присутствуют в большинстве районов города. Известно, что, если рынок по какой-то причине уходит из района, район постепенно перестает быть местом резидентной концентрации мигрантов. Для Москвы примерами такой деконцентрации, как следует из пока не опубликованных материалов того же исследовательского проекта, стали районы Гольяново (резидентная застройка рядом с Черкизовским рынком, закрывшимся в 2009 году), а также Бирюлево-Западное (там была овощебаза, закрывшаяся в результате событий осени 2013 года).

Зарубежные случаи концентрации, как следует из обзора литературы, в нужном нам ракурсе изучались редко, а межстрановые компаративные исследования проводились и того реже. В работе 1985 года Даглас Мэсси сопоставляет случаи США, Канады, Австралии, Европы (прежде всего Великобритании и Германии) и Израиля на предмет уровня сегрегации, при этом в качестве теоретической рамки использует чикагскую социальную экологию, формализуя ее. В этом ее варианте появляется объяснение складывания мест резидентной концентрации. Согласно модели, такие места появляются обычно в рабочих районах, откуда немигранты выезжают, а мигранты, которые в принимающем обществе находятся временно, а кроме того, нуждаются в поддержке родственников и знакомых — за-

езжают. В индустриальную эпоху эти районы оказываются во внутренней части города, рядом с производствами, на которых мигранты и работают, немигранты же используют лучшее социально-экономическое положение для того, чтобы поселиться в хорошем доме в пригороде. Согласно Мэсси, все страновые случаи — с вариациями — воспроизводят эту модель расселения и, соответственно, складывания мест резидентной концентрации мигрантов. Эта статья написана в 1985 году и основана на сегрегационных индексах. Исследования, проведенные в 2019 году в Австралии, Канаде, Сингапуре, ОАЭ, Великобритании, Франции и Швеции, показывают, что, хотя эта модель продолжает обладать объяснительной силой применительно к некоторой части реальности, места концентрации и механизмы их складывания оказались значительно разнообразнее. В частности, сложились этнобурбы — среднелассовые пригороды, в которых большинство — этнические мигранты и их дети. Это явление в литературе было описано прежде всего на материале США (Li, 1998, 2009; Zhou, Tseng, Kim, 2008), мы же обнаружили его, кроме того, в Австралии и Канаде⁷. Впрочем, хорошего описания непосредственных механизмов его складывания пока не существует. В Лондоне в послевоенные десятилетия расселение мигрантов, судя по всему, хорошо описывалось социально-экологической моделью, однако последовавшие джентрификация и регенерация «вытеснили» мигрантов во внешние пригороды, и, таким образом, объяснительная мощность социально-экологической модели снизилась. В Сингапуре же и ОАЭ места резидентной концентрации неквалифицированных мигрантов были вынесены из городского пространства, а в целом вписывающиеся в чикагскую модель Маленькая Индия (Сингапур) и эль-Сатва (Дубай) как места концентрации мигрантов, по всей видимости, доживают последние годы.

Вместе с тем, несмотря на такое разнообразие характеристик расселения, есть ряд характеристик, которые могли бы выделить российский паттерн из разнообразия страновых случаев. Наиболее очевидной его особенностью является формирование мест резидентной концентрации мигрантов вокруг оптовых рынков. За этим стоит специфика миграционной системы, сформировавшейся в России. Россия стала привлекать международных мигрантов с распадом Советского Союза, и в абсолютном большинстве случаев ими стали жители бывших союзных республик. Эти республики расположены на юге, и в советское время между ними и Россией были налажены неформальные поставки овощей и фруктов, продававшихся на стихийных рынках, в результате, хотя стереотип о «мигрантах на рынках» является преувеличенным, действительно именно рынки стали основными точками притяжения мигрантов в российских городах, а в застройке вокруг рынков были «засеяны семена» последовавших миграционных потоков. В большинстве исследованных зарубежных случаев мигранты живут в относительно старых домах (идет ли речь о внутренних рабочих пригородах или этнобурбах, «этни-

7. Анализ литературы показал, что есть недавние работы, где на материале соответствующих стран продемонстрировано наличие этнобурбов, но таких работ очень мало. Среди них: Chan, 2012; Stevens, 2018.

ческих» среднеклассовых пригородах), в то время как особенность российского проживания мигрантов — новостройки эконом-класса. А вот эгалитарность пространства, как кажется, применительно к расселению мигрантов описывает случаи за пределами Московской агломерации, характерные в меньшей мере, чем об этом принято говорить. Более того, судя по всему, несмотря на ассимиляционные процессы, в том числе за счет строительства новых зданий в местах резидентной концентрации мигрантов, уровень сегрегации растет, поскольку именно мигранты формируют спрос на эту недвижимость. Так ли это и как в остальном отличается российский случай (если о нем можно говорить в таких терминах) от зарубежных — вопрос последующих исследований.

Литература

- Андреева А. С., Иванова Н. С., Варшавер Е. А. (2020). Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // *Городские исследования и практики*. Т. 5. № 1. В печати.
- Бедрина Е. Б., Панышина Д. А. (2017). Этнические анклавы на картах современных мегаполисов: причины формирования и последствия // *Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: материалы 5-го Тюменского международного социологического Форума, 5–6 октября 2017 г.* С. 553–557. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/10704/1/Bedrina_Panshina_440_2017.pdf (дата доступа: 24.03.2020).
- Варшавер Е. А., Рочева А. Л. (2014). Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. Т. 3. № 121. С. 104–114.
- Вендина О. И. (2004а). Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // *Вестник общественного мнения*. Т. 43. № 3. С. 52–64.
- Вендина О. И. (2004б). Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // *Демоскоп weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php> (дата доступа: 24.03.2020).
- Вендина О. И. (2005). Мигранты в Москве: грозит ли российской столице этническая сегрегация? М.: Центр миграционных исследований.
- Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. (2019). Социальное пространство Москвы: особенности и структура // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 6. С. 3–17.
- Григоричев К. В., Козлов Д. В., Дятлов В. И. (2010). Миграции и диаспоры в социокультурном, экономическом и политическом пространстве Сибири, XIX–XXI вв. // *Вестник Омского университета*. № 4. С. 310–313.
- Деминцева Е. Б., Кашицкий Д. С. (2015). Медицинская помощь мигрантам из Средней Азии в Москве в условиях социальной исключенности // *Вестник Российской нации*. № 4. С. 214–226.

- Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. (2014). Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп weekly. № 597–598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (дата доступа: 24.03.2020).
- Дятлов В. И., Григоричев К. В. (2012). Принимающее общество и трансграничные мигранты // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 1. № 8. С. 88–91.
- Дятлов В. И., Григоричев К. В. (2013). Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Оттиск.
- Заблудовская М. (2014). Гетто в Москве: этнические, рабочие, «золотые» и интеллигентские (Эксперты рассказали о пространственном обособлении богатых и бедных в Москве и специфике формирования социальных «гетто»). URL: <https://ria.ru/20140120/990195999.html> (дата доступа: 24.03.2020).
- Кочкин Е. В., Рочева А. Л., Варшавер Е. А. (2014). Этнический рынок сферы услуг Москвы на примере киргизских коммерческих организаций // Маркетинг услуг. № 4. Р. 284–292.
- Лысенко И. С. (2008). Специфика этнического состава населения Красноярского края конца XX — начала XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 7. № 3. С. 175–182.
- Медведев С. А. (2018). Плавильный котел или гетто? [Беседа экспертов о том, как Россия интегрирует мигрантов]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28979350.html> (дата доступа: 24.03.2020).
- Пешкова В. М. (2015а). Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. Т. 24. № 2. С. 129–151.
- Пешкова В. М. (2015б). Среднеазиатские «этнические» кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // Дятлов В. И., Григоричев К. В. (ред.). Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 186–202.
- Рогоза А. (2013). Окраины Москвы превращаются в этнические анклав? URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26146/3035484> (дата доступа: 24.03.2020).
- Таганский ряд (2019). «Таганский ряд» сегодня — крупнейшее торговое предприятие в центре России. URL: <http://www.taganka-e.ru/> (дата доступа: 24.03.2020).
- Яндекс Дзен (2019). Московское гетто: 6 самых мигрантских районов столицы, откуда бегут москвичи. URL: <https://zen.yandex.ru/media/112/moskovskoe-getto-6-samyh-migrantskih-raionov-stolicy-otkuda-begut-moskvichi-5d948817fbe6e700b1483363> (дата доступа: 24.03.2019).
- Alexander C. (2011). Making Bengali Brick Lane: Claiming and Contesting Space in East London // British Journal of Sociology. Vol. 62. № 2. Р. 201–220.
- Andersen H. S. (2015). What Kind of Moving Behaviour is Most Crucial for Spatial Concentrations of Ethnic Minorities: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? // The European Network for Housing Research (Lissabon, 28

- Jine — 1 July 2015). URL: <https://vbn.aau.dk/en/publications/what-kind-of-moving-behaviour-is-most-crucial-for-spatial-concent> (дата доступа: 24.03.2020).
- Andersen H. S. (2017). Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? // *Housing Studies*. Vol. 32. № 3. P. 296–318.
- Arbaci S. (2007). Ethnic Segregation, Housing Systems and Welfare Regimes in Europe // *European Journal of Housing Policy*. Vol. 7. № 4. P. 401–433.
- Berry B. J. L. (1971). Introduction: The Logic and Limitations of Comparative Factorial Ecology // *Economic Geography*. Vol. 47. Sup. 1. P. 209–219.
- BråmÅ Å. (2006). «White Flight»? The Production and Reproduction of Immigrant Concentration Areas in Swedish Cities, 1990–2000 // *Urban Studies*. Vol. 43. № 7. P. 1127–1146.
- Burgess E. W. (1925). The Growth of the City: An Introduction to a Research Project // *Park R. E., Burgess E. W., Mc Kenzie R. D. The City*. Chicago: University of Chicago Press. P. 47–62.
- Chan A. (2012). From Chinatown to Ethnoburb: The Chinese in Toronto // *The 5th WCILCOS International Conference of Institutes and Libraries for Chinese Overseas Studies: Chinese through the Americas (Vancouver, 16-19 May 2012)*. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/From-Chinatown-to-ethnoburb-3A-the-Chinese-in-Chan/7d7ae8887bf147b5336c58ea2a58bde5dba3c1c> (дата доступа: 24.03.2020).
- Chaney J. (2010). The Formation of a Hispanic Enclave in Nashville, Tennessee // *South-eastern Geographer*. Vol. 50. № 1. P. 17–38.
- Cressey P. F. (1938). Population Succession in Chicago: 1898–1930 // *American Journal of Sociology*. Vol. 44. № 1. P. 59–69.
- Crowder K. (2000). The Racial Context of White Mobility: An Individual-level Assessment of the White Flight Hypothesis // *Social Science Research*. Vol. 29. № 2. P. 223–257.
- Demintseva E. B. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. № 15. P. 2556–2572.
- Denton N. A., Massey D. S. (1991). Patterns of Neighborhood Transition in a Multiethnic World: U.S. Metropolitan Areas, 1970–1980 // *Demography*. Vol. 28. № 1. P. 41–63.
- Duncan O. D., Duncan B. (1955). A Methodological Analysis of Segregation Indexes // *American Sociological Review*. Vol. 20. № 2. P. 210–217.
- Duncan O. D., Duncan B. (1957). *The Negro Population of Chicago: A Study of Residential Succession*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dunn K. M. (1993). The Vietnamese Concentration in Cabramatta: Site of Avoidance and Deprivation, or Island of Adjustment and Participation? // *Australian Geographical Studies*. Vol. 31. № 2. P. 228–245.
- Dunn K. M. (1998). Rethinking ethnic concentration: the case of Cabramatta, Sydney // *Urban Studies*. Vol. 35. № 3. P. 503–527.
- Foot J. (2000). The Urban Periphery, Myth and Reality: Milan, 1950–1990 // *City*. Vol. 4. № 1. P. 7–26.

- Frey W. H., Liaw K.-L.* (1998). Immigrant Concentration and Domestic Migrant Dispersal: Is Movement to Nonmetropolitan Areas «White Flight»? // *The Professional Geographer*. Vol. 50. № 2. 215–232.
- Guest A. M., Zuiches J. J.* (1972). Another Look at Residential Turnover in Urban Neighborhoods: A Note on «Racial Change in a Stable Community» by Harvey Molotch // *American Journal of Sociology*. Vol. 77. № 3. P. 457–467.
- Hawley A. H.* (1950). *Human Ecology: A Theory of Community Structure*. N.Y.: The Ronald Press Company.
- James D. R., Taeuber K. E.* (1985). Measures of Segregation // *Sociological Methodology*. Vol. 15. P. 1–32.
- Johnston R., Poulsen M., Forrest J.* (2007). The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 97. № 4. P. 713–738.
- Khandelwal M. S.* (1995). Indian Immigrants in Queens, New York City: Patterns of Spatial Concentration and Distribution, 1965–1990 // *Van der Veer P.* (ed.). *Nation and Bigigration: The Politics of Space in the South Asian Diaspora*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 178–196.
- Lal B. B.* (2015). Race Relations Cycle // *Stone J., Rutledge M. D., Rizova P. S., Smith A. D., Xiaoshuo Hou* (eds.). *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*. Chichester: John Wiley & Sons.
- Li W.* (1998). Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnoburb in Los Angeles // *Urban Studies*. Vol. 35. № 3. P. 479–501.
- Li W.* (2009). *Ethnoburb: The New Ethnic Community in Urban America*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Li Z., Lyons M., Brown A.* (2012). China's «Chocolate City»: An Ethnic Enclave in a Changing Landscape // *African Diaspora*. Vol. 5. № 1. P. 51–72.
- Liu C. Y.* (2009). Ethnic Enclave Residence, Employment, and Commuting of Latino Workers // *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 28. № 4. P. 600–625.
- Logan, J. R., Zhang W., Alba R. D.* (2002). Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles // *American Sociological Review*. Vol. 67. № 2. P. 299–322.
- Massey D. S.* (1985). Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review // *Sociology and Social Research*. Vol. 69. № 3. P. 315–350.
- Massey D. S., Denton N. A.* (1988). The Dimensions of Residential Segregation // *Social Forces*. Vol. 67. № 2. P. 281–315.
- Min P. G.* (2017). Korean Immigrants in Los Angeles // *California Immigrants in World Perspective: The Conference Papers (Los Angeles, 26–27 April 1990)*. URL: <https://escholarship.org/uc/item/2w76n5vs> (дата доступа 24.03.2020).
- Müller T. S., Grund T. U., Koskinen J. H.* (2018). Residential Segregation and «Ethnic Flight» vs. «Ethnic Avoidance» in Sweden // *European Sociological Review*. Vol. 34. № 3. P. 268–285.

- Musterd S., Ostendorf W.* (2013). *Urban Segregation and the Welfare State: Inequality and Exclusion in Western Cities*. L.: Routledge.
- Olgac C. R.* (2001). *Socialisation, Language and Learning in a Somali Diasporic Community in Rinkeby // Africa & Asia*. № 1. P. 69–78.
- Parisi D., Lichter D. T., Taquino M. C.* (2011). *Multi-scale Residential Segregation: Black Exceptionalism and America's Changing Color Line // Social Forces*. Vol. 89. № 3. P. 829–852.
- Park R. E.* (1926). *The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order // Burgess E. W.* (ed.). *The Urban Community: Selected Papers from The Proceedings of the American Sociological Society 1925*. Chicago: University of Chicago Press. P. 3–18.
- Park R. E., Burgess E. W.* (1921). *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago: University of Chicago.
- Peach C.* (1998). *Trends in Levels of Caribbean Segregation, Great Britain, 1961–91 // Chamberlain M.* (ed.). *Caribbean Migration: Globalized Identities*. L.: Routledge. P. 203–216.
- Shevky E., Bell W.* (1955). *Social Area Analysis; Theory, Illustrative Application and Computational Procedures*. Stanford: Stanford University Press.
- Simon R. D.* (1976). *Housing and Services in an Immigrant Neighborhood: Milwaukee's Ward 14 // Journal of Urban History*. Vol. 2. № 4. P. 435–458.
- Spielman S. E., Thill J.-C.* (2008). *Social Area Analysis, Data Mining, and GIS // Computers, Environment and Urban Systems*. Vol. 32. № 2. P. 110–122.
- Stevens C.* (2018). *A Spatial and Organisational Analysis of Asian Panethnic Association in Perth, Western Australia // International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. 38. № 1/2. P. 41–57.
- Vo-Jutabha E. D., Dinh K. T., McHale J. P., Valsiner J.* (2009). *A Qualitative Analysis of Vietnamese Adolescent Identity Exploration Within and Outside an Ethnic Enclave // Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 38. № 5. P. 672–690.
- Wilson K. L., Portes A.* (1980). *Immigrant Enclaves: An Analysis of the Labor Market Experiences of Cubans in Miami // American Journal of Sociology*. Vol. 86. № 2. P. 295–319.
- Yeo S. J., Hee L., Heng K.* (2012). *Urban Informality and Everyday (Night) Life: A Field Study in Singapore // International Development Planning Review*. Vol. 34. № 4. P. 369–390.
- Zhou M., Tseng Y. F., Kim R. Y.* (2008). *Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethnoburb in the San Gabriel Valley, California // Amerasia Journal*. Vol. 34. № 3. P. 55–83.

Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern?

Evgeni Varshaver

Candidate of Sociological Sciences, Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Senior Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Vernadskogo Propsekt, 82, Moscow, Russian Federation 119571
Email: varshavere@gmail.com

Anna Rocheva

Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Group for Ethnicity and Migration Research, Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies Russian, Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Vernadskogo Propsekt, 82, Moscow, Russian Federation 119571
Email: anna.rocheva@gmail.com

Nataliya Ivanova

Master of Sociology, Research Fellow, Group for Ethnicity and Migration Research, Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Vernadskogo Propsekt, 82, Moscow, Russian Federation 119571
Email: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Mayya Ermakova

Bachelor of Sociology, Research Fellow, Group for Ethnicity and Migration Research, Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Junior Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Vernadskogo Propsekt, 82, Moscow, Russian Federation 119571
Email: maya.ermakova8@gmail.com

This article is based on research of international ethnic-migrants' residential concentrations in Russian cities. The research is based on the uncertainty as to whether such concentrations exist in Russia; there is scholarship which both supports and refutes this thesis. Stemming from the social-ecology approach of the Chicago School of Sociology, the authors concentrate on locations in three Russian cities where the residential concentration of migrants is the highest. These places are the town of Kotelniki in Moscow Region, Sortirovka in Yekaterinburg, and KrasTEC in Krasnoyarsk. Utilizing both field and theoretical methods, the authors describe how these places appeared and what processes occur there. Based on a comparative analysis, the authors hypothesize a pattern which lies behind these cases and distinguishes these cases from other-country cases. According to the hypothesis, migrants form residential concentrations around those large markets which started appearing on the peripheries of Russian cities after the collapse of the Soviet Union. In the following decades, the succession of the migrant population also settled there, and now a substantial share of these neighborhoods' population are migrants, both those who work at the market and their relatives and friends who work in other parts of cities. Additionally, the migrant infrastructure evolved, and the neighborhoods started to be considered as ethnic and migrant.

Keywords: migration, integration of migrants, settlement of migrants, urban studies, Chicago School of Social Ecology, Kotelniki, KrasTEC, Sortirovka

References

- Alexander C. (2011) Making Bengali Brick Lane: Laiming and Contesting Space in East London. *British Journal of Sociology*, vol. 62, no 2, pp. 201–220.
- Andersen H. S. (2015) What Kind of Moving Behaviour is Most Crucial for Spatial Concentrations of Ethnic Minorities: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? Available at: <https://vbn.aau.dk/en/publications/what-kind-of-moving-behaviour-is-most-crucial-for-spatial-concent> (accessed 24 March 2020).
- Andersen H. S. (2017) Selective Moving Behaviour in Ethnic Neighbourhoods: White Flight, White Avoidance, Ethnic Attraction or Ethnic Retention? *Housing Studies*, vol. 32, no 3, pp. 296–318.
- Andreeva A., Ivanova N., Varshaver E. (2020) Yavlyayutsya li Kotel'niki etnomigratsionnym anklavom? Keis-stadi goroda-sputnika Moskvy na predmet etnomigratsionnykh kharakteristik ego zhitel'ei [Do Kotelniki Qualify as an Ethnic and Migrant Enclave? Case-Study of Residents' Ethnic and Migration Origins in Kotelniki, Moscow's Satellite City]. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 1 (in press).
- Arbaci S. (2007) Ethnic Segregation, Housing Systems and Welfare Regimes in Europe. *European Journal of Housing Policy*, vol. 7, no 4, pp. 401–433.
- Bedrina E., Panshina D. (2017) Etnicheskie anklavy na kartakh sovremennykh megalopolisov: prichiny formirovaniya i posledstviya [Ethnic Enclaves on the Maps of Modern Megalopolises: Causes of Formation and Consequences]. *The Dynamics of the Social Transformation of Russian Society: Regional Aspects: Materials of the 5th Tyumen International Sociological Forum, 5–6 October 2017*. Available at: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/10704/1/Bedrina_Panshina_440_2017.pdf (accessed 24 March 2020).
- Berry B. J. L. (1971) Introduction: The Logic and Limitations of Comparative Factorial Ecology. *Economic Geography*, vol. 47, no Sup1, pp. 209–219.
- BråmÅ Å. (2006) "White Flight"? The Production and Reproduction of Immigrant Concentration Areas in Swedish Cities, 1990–2000. *Urban Studies*, vol. 43, no 7, pp. 1127–1146.
- Burgess E. W. (1925) The Growth of the City: An Introduction to a Research Project. *The City* (R. E. Park, E. W. Burgess, R. D. McKenzie), Chicago: University of Chicago Press, pp. 47–62.
- Chan A. (2012) From Chinatown to Ethno burb: The Chinese in Toronto. *The 5th WCILCOS International Conference of institutes and Libraries for Chinese Overseas Studies: Chinese through the Americas (Vancouver, 16–19 May 2012)*. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/From-Chinatown-to-ethnoburb-3A-the-Chinese-in-Chan/7d7ae8887fbf147b5336c58ea2a58bde5d8ba3c1c> (accessed 24 March 2020).
- Chaney J. (2010) The Formation of a Hispanic Enclave in Nashville, Tennessee. *Southeastern Geographer*, vol. 50, no 1, pp. 17–38.
- Cressey P. F. (1938) Population Succession in Chicago: 1898–1930. *American Journal of Sociology*, vol. 44, no 1, pp. 59–69.
- Crowder K. (2000) The Racial Context of White Mobility: An Individual-Level Assessment of the White Flight Hypothesis. *Social Science Research*, vol. 29, no 2, pp. 223–257.
- Demintseva E. B. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 43, no 15, pp. 2556–2572.
- Demintseva E., Kashnitsky D. (2015) Meditsinskaya pomoshch' migrantam iz Srednei Azii v Moskve v usloviyakh sotsial'noi isklyuchennosti [Medical Assistance to Migrants from Central Asia in Moscow in Conditions of Social Exclusion]. *Bulletin of Russian Nation*, no 4, pp. 214–226.
- Demintseva E., Peshkova V. (2014) Migranty iz Srednei Azii v Moskve [Migrants from Central Asia in Moscow]. *Demoscope weekly*, no 597–598. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php> (accessed 24 March 2020).
- Denton N. A., Massey, D. S. (1991) Patterns of Neighborhood Transition in a Multiethnic World: U.S. Metropolitan Areas, 1970–1980. *Demography*, vol. 28, no 1, pp. 41–63.
- Duncan O. D., Duncan B. (1955) A Methodological Analysis of Segregation indexes. *American Sociological Review*, vol. 20, no 2, pp. 210–217.
- Duncan O. D., Duncan B. (1957) *The Negro Population of Chicago: A Study of Residential Succession*, Chicago: University of Chicago Press.

- Dunn K. M. (1993) The Vietnamese Concentration in Cabramatta: Site of Avoidance and Deprivation, or Island of Adjustment and Participation? *Australian Geographical Studies*, vol. 31, no 2, pp. 228–245.
- Dunn K. M. (1998) Rethinking Ethnic Concentration: The Case of Cabramatta, Sydney. *Urban Studies*, vol. 35, no 3, pp. 503–527.
- Dyatlov V., Grigorichev K. (2012) Prinimayushchee obshchestvo i transgranichnye migranty [Receiving Society and Transboundary Migrants]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, vol. 1, no 8, pp. 88–91.
- Dyatlov V., Grigorichev K. (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: Migration Space Community], Irkutsk.: Ottisk.
- Foot J. (2000) The Urban Periphery, Myth and Reality: Milan, 1950–1990. *City*, vol. 4, no 1, pp. 7–26.
- Frey W. H., Liaw K.-L. (1998) Immigrant Concentration and Domestic Migrant Dispersal: Is Movement to Non Metropolitan Areas “White Flight”? *The Professional Geographer*, vol. 50, no 2, pp. 215–232.
- Grigorichev K., Kozlov D., Dyatlov V. (2010) Migratsii i diaspory v sotsiokul’turnom, ekonomicheskom i politicheskom prostranstve Sibiri, XIX–XXI vv [Migrations and Diasporas in the Socio-Cultural, Economic and Political Space of Siberia, XIX–XXI Centuries]. *Herald of Omsk University*, no 4, pp. 310–313.
- Guest A. M., Zuiches J. J. (1972) Another Look at Residential Turnover in Urban Neighborhoods: A Note On “Racial Change in A Stable Community” By Harvey Molotch. *American Journal of Sociology*, vol. 77, no 3, pp. 457–467.
- Hawley A. H. (1950) *Human Ecology: A Theory of Community Structure*, New York: The Ronald Press Company.
- James D. R., Taeuber K. E. (1985) Measures of Segregation. *Sociological Methodology*, vol. 15, pp. 1–32.
- Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007) The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 97, no 4, pp. 713–738.
- Khandelwal M. S. (1995) Indian Immigrants in Queens, New York City: Patterns of Spatial Concentration and Distribution, 1965–1990. *Nation and Migration: The Politics of Space in the South Asian Diaspora* (ed. P. Van der Veer), Philadelphia: University of Pennsylvania Press, pp. 178–196.
- Kochkin E., Rocheva A., Varshaver E. (2014) Etnicheskiy rynek sfery uslug Moskvy na primere kirgizskikh kommercheskikh organizatsii [Ethnic Market of the Moscow Service Sector: Case of Kyrgyz Commercial Companies]. *Marketing Services*, no 4, pp. 284–292.
- Lal B. B. (2015) Race Relations Cycle. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism* (eds. J. Stone, M. D. Rutledge, P. S. Rizova, A. D. Smith, Xiaoshuo Hou), Chichester: John Wiley & Sons.
- Li W. (1998) Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethno Burb in Los Angeles. *Urban Studies*, vol. 35, no 3, pp. 479–501.
- Li W. (2009) *Ethno Burb: The New Ethnic Community in Urban America*, Honolulu: University of Hawaii Press.
- Li Z., Lyons M., Brown A. (2012) China’s “Chocolate City”: An Ethnic Enclave in a Changing Landscape. *African Diaspora*, vol. 5, no 1, pp. 51–72.
- Liu C. Y. (2009) Ethnic Enclave Residence, Employment, and Commuting of Latino Workers. *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 28, no 4, pp. 600–625.
- Logan J. R., Zhang W., Alba R. D. (2002) Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*, vol. 67, no 2, pp. 299–322.
- Lysenko I. P. (2008) Spetsifika etnicheskogo sostava naseleniya Krasnoyarskogo kraya kontsa XX — nachala XX veka [The Specific of the Ethnic Composition of the Population of the Krasnoyarsk Territory of the late 20th — early 21st Centuries]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, vol. 7, no 3, pp. 175–182.
- Massey D. S. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*, vol. 69, no 3, pp. 315–350.

- Massey D. S., Denton N. A. (1988) The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*, vol. 67, no 2, pp. 281–315.
- Medvedev S. (2018) Plavil'nyi kotel ili getto? Beseda ekspertov o tom, kak Rossiya integriruet migrantov [Melting pot or ghetto? Conversations of Experts on How Russia Integrates Migrant Workers]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28979350.html> (accessed 24 March 2020).
- Min P. G. (2017) Korean Immigrants in Los Angeles. *California Immigrants in World Perspective: The Conference Papers (Los Angeles, 26–27 April 1990)*. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/2w76n5vs> (accessed 24 March 2020).
- Müller T. S., Grund T. U., Koskinen J. H. (2018) Residential Segregation and “Ethnic Flight” vs. “Ethnic Avoidance” in Sweden. *European Sociological Review*, vol. 34, no 3, pp. 268–285.
- Musterd S., Ostendorf W. (2013) *Urban Segregation and The Welfare State: inequality and Exclusion in Western Cities*, London: Routledge.
- Olgac C. R. (2001) Socialisation, Language and Learning in a Somali Diasporic Community in Rinkeby. *Africa & Asia*, no 1, pp. 69–78.
- Parisi D., Lichter D. T., Taquino M. C. (2011) Multi-Scale Residential Segregation: Black Exceptionalism and America's Changing Color Line. *Social Forces*, vol. 89, no 3, pp. 829–852.
- Park R. E. (1926) The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. *The Urban Community: Selected Papers from The Proceedings of the American Sociological Society 1925* (ed. E. W. Burgess), Chicago: University of Chicago Press, pp. 3–18.
- Park R. E., Burgess E. W. (1921) *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago: University of Chicago.
- Peach C. (1998) Trends in Levels of Caribbean Segregation, Great Britain, 1961–91. *Caribbean Migration: Globalized Identities* (ed. M. Chamberlain), London: Routledge, pp. 203–216.
- Peshkova V. (2015a) Infrastruktura trudovykh migrantov v gorodakh sovremennoi Rossii (na primere migrantov iz Uzbekistana i Kirgizii v Moskve) [Migrant Infrastructure in Russian Cities (the Case of Labour Migrants from Uzbekistan and Kyrgyzstan in Moscow)]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 129–151.
- Peshkova V. (2015b) Sredneaziatskie “etnicheskie” kafe Moskvy: migrantskaya infrastruktura v gorodskom prostranstve [Central Asian “Ethnic” Cafes in Moscow: Migrant Infrastructure in Urban Space]. *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic Markets in Russia: Bargaining Space and Meeting Place] (eds. V. Dyatlov, K. Grigorichev), Irkutsk: ISU, pp. 186–202.
- Rogoza A. (2013) Okrainy Moskvy prevrashchayutsya v etnicheskie anklavy? [Are the Outskirts of Moscow Turning into Ethnic Enclaves?]. Available at: <https://www.msk.kp.ru/daily/26146/3035484> (accessed 24 March 2020).
- Shevky E., Bell W. (1955) *Social Area Analysis; Theory, Illustrative Application and Computational Procedures*, Stanford: Stanford University Press.
- Simon R. D. (1976) Housing and Services in an Immigrant Neighborhood: Milwaukee's Ward 14. *Journal of Urban History*, vol. 2, no 4, pp. 435–458.
- Spielman S. E., Thill J.-C. (2008) Social Area Analysis, Data Mining, and Gis. *Computers, Environment and Urban Systems*, vol. 32, no 2, pp. 110–122.
- Stevens C. (2018) A Spatial and Organisational Analysis of Asian Panethnic Association in Perth, Western Australia. *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 38, no 1/2, pp. 41–57.
- Tagansky Ryad (2019) “Taganskii ryad” segodnya — krupneishee torgovoe predpriyatie v tsentre Rossii [Tagansky Ryad Today is the Largest Trading Company at the Center of Russia]. Available at: <http://www.taganka-e.ru/> (accessed 24 March 2020).
- Varshaver E., Rocheva A. (2014) Soobshchestva v kafe kak sreda integratsii inoetnichnykh migrantov v Moskve [Café Communities as an Environment for the Ethnic Integration of Migrants in Moscow]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, vol. 3, no 121, pp. 104–114.
- Vendina O. (2004) Mogut li v Moskve vzniknut' etnicheskie kvartaly [Can Ethnic Neighborhoods Arise in Moscow?]. *Russian Public Opinion Herald*, vol. 43, no 3, pp. 52–64.

- Vendina O. (2004) Moskva etnicheskaya: grozit li gorodu gettoizatsiya [Moscow is Ethnic: Does Ghettoization Threaten the City]? *Demoscope weekly*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php> (accessed 24 March 2020).
- Vendina O. (2005) *Migranty v Moskve: grozit li rossiiskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya* [Migrants in Moscow: is Ethnic Segregation Threatening the Russian Capital?], Moscow: Center for Migration Studies.
- Vendina O., Panin A., Tikunov V. (2019) Sotsial'noe prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura [Social Space of Moscow: Peculiarities and Patterns]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographic series*, no 6, pp. 3–17.
- Vo-Jutabha E. D., Dinh K. T., McHale J. P., Valsiner J. (2009) A Qualitative Analysis of Vietnamese Adolescent Identity Exploration Within and Outside an Ethnic Enclave. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 38, no 5, pp. 672–690.
- Wilson K. L., Portes A. (1980) Immigrant Enclaves: An Analysis of the Labor Market Experiences of Cubans in Miami. *American Journal of Sociology*, vol. 86, no 2, pp. 295–319.
- Yandex Zen (2019) Moskovskoe getto: 6 samykh migrantskikh raionov stolitsy, otkuda begut moskvichi [Moscow Ghetto: 6 of the Most Migrant Areas of the Capital, from where Muscovites Flee]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/112/moskovskoe-getto-6-samyh-migrantskih-raionov-stolitsy-otkuda-begut-moskvichi-5d948817f6e6e700b1483363> (accessed 24 March 2020).
- Yeo S. J., Hee L., Heng K. (2012) Urban Informality and Everyday (Night) Life: A Field Study in Singapore. *International Development Planning Review*, vol. 34, no 4, pp. 369–390.
- Zabludovskaya M. (2014) Getto v Moskve: etnicheskie, rabochie, “zolotyie” i intelligentskie [Ghetto in Moscow: Ethnic, Workers's, “Gold” and Intellectual]. Available at: <https://ria.ru/20140120/990195999.html> (accessed 24 March 2020).
- Zhou M., Tseng Y. F., Kim R. Y. (2008) Rethinking Residential Assimilation: The Case of a Chinese Ethno Burb in the San Gabriel Valley, California. *Amerasia Journal*, vol. 34, no 3, pp. 55–83.